

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the text.

Джулия
Энн Лонг

Трешная
и желанная

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Julie Anne Long
BETWEEN THE DEVIL AND IAN EVERSEA

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *С. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Julie Anne Long с/o
The Axelrod Agency
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Лонг, Джулия Энн.

Л76 Грешная и желанная : роман / Джулия Энн Лонг ; [пер. с англ. Е. Максимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-092956-6

Богатая американская наследница Тэнзи Дэнфорт стала сенсацией лондонского света. Заокеанская красавица не знала отбоя от титулованных поклонников... но любовь ее предназначена лишь одному — неисправимому холостяку Йэну Эверси, безнадежно далекому от мыслей о браке и хладнокровно соблазнившему не одну светскую львицу.

Однако Тэнзи не из тех, кто легко сдается. Она затевает рискованную игру, цель которой — заставить несокрушимого героя Наполеоновских войн поднять белый флаг, принять условия безоговорочной капитуляции и на коленях поднести ей ключ от своего сердца...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julie Anne Long, 2014
ISBN 978-5-17-092956-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Будь у невинности цвет, это был бы словно омытый дождем, серебристо-голубой оттенок глаз мисс Титании Дэнфорт. Она, изящно выпрямив спину и спокойно сложив на коленях руки, сидела на стуле в стиле «чиппендейл» в белом муслиновом дневном платье без единого пятнышка, безупречна как ангел. Право же, она являла бы собой олицетворение безмятежности, кабы не ресницы, черные, на зависть пушистые и очень подвижные. Они трепетали. Взлетали вверх. Опускались вниз. Снова вверх. Опять вниз. Словно она могла выдержать пристальный взгляд герцога Фальконбриджа только частично.

«Ну просто девственница, которая пытается пить дешевый джин», — сухо подумал герцог.

С другой стороны, даже взрослые мужчины испытывали смятение рядом с ним. Герцогу лучше всего удавалось приводить окружающих в замешательство, не прилагая к этому никаких усилий.

Двумя часами ранее компаньонка мисс Дэнфорт, нанятая на время путешествия в Англию через океан, женщина устрашающего вида и средних лет с бочкообразной фигурой, чье имя герцог моментально забыл, доставила девушку и дюжину ее сундуков и с ироническим «удачи, ваша светлость» отбыла с неприличной поспешностью. Никакого слезливого затянувшегося прощания с мисс Дэнфорт. Хотя, разумеется, долгие

океанские вояжи могут расстроить нервы даже у святого, и всем известно, что близкое общение утомляет и может наскучить.

Теперь, увидев дочь своего кузена, Фальконбридж не сомневался, что никакой удачи ему не потребуется. Безупречное воспитание чувствовалось в каждом произнесенном ею слове. Голос был приятный — негромкий, с милой хрипотцой, которая ей шла.

А красота поражала.

Словно в подтверждение его мыслей в окно хлынул поток солнечного света, отчего ее белокурые волосы засияли, словно золото. Игра света создавала некое подобие нимба.

Тепличные создания всегда раздражали герцога. Он не понимал, о чем с ними можно говорить. Они испытывали его терпение. Но будущее данной конкретной особы легло теперь грузом на его плечи благодаря почти уже забытому обещанию, данному им много лет назад.

Обещанию, которое его кузен счел необходимым увековечить в своем завещании.

Жена украдкой коснулась своей коленкой его колена, и это удержало Фальконбриджа от громкого вздоха, недовольного бормотания и всего прочего, что, как она хорошо знала, он уже был готов проделать. Пару минут герцог размышлял о множестве дивных вещей, сообщить о которых можно вот таким прикосновением. О том, что он известен, любим, удачлив сверх всякой меры и может позволить себе побыть терпимым и милосердным, раз уж красивая, восхитительно добрая молодая женщина, сидящая рядом, принадлежит ему. Женестьева никогда не бывала скучной. Но у нее никогда и не было шансов стать скучной, поскольку она воспитывалась, как одна из Эверси.

К счастью, он успел пробурчать себе под нос почти все проклятия два месяца назад, когда пришло лаконичное, несколько тревожное письмо от поверенного мисс Дэнфорт.

Женевьева бодро произнесла:

— Я понимаю, путешествие сюда из Америки может...

И замолчала, поскольку в дверях показались два лакея. Колени их подкашивались под тяжестью множества прекрасных оранжерейных цветов, занимавших огромную вазу.

— Для Оливии? — Женевьева произнесла это почти смиренно.

— Да, миледи.

— Думаю, на каминной полке еще осталось немного места.

Лакеи прошествовали в комнату и, постанывая, водрузили вазу вверх на полку. Мисс Дэнфорт следила за ними широко распахнутыми, изумленными глазами.

Длинные стебли еще какое-то время покачивались после их ухода.

— Я говорила, — спокойно продолжила Женевьева, — что понимаю: такое долгое путешествие может быть весьма изнурительным, но, похоже, вам морской воздух пошел на пользу. Вы выглядите ослепительно, мисс Дэнфорт. Какое удовольствие познакомиться с такой хорошенькой кузиной!

Та просияла:

— Вы слишком добры! Сказать по правде, путешествие через океан прошло спокойно, без особых происшествий. И я всегда помню, что происхожу из крепкого племени.

Ресницы снова метнулись вверх-вниз, взгляд был ясен. Вообще-то выглядела она такой же крепкой, как готовый разлететься одуванчик.

Фальконбридж отреагировал на эту откровенную попытку польстить слабой улыбкой.

— Безусловно, мисс Дэнфорт, наше племя, как вы его назвали, пережило множество встрясок за столе...

— ...ээээээээннннн!..

Он резко повернул голову. Очень высокий, очень слабый, очень гадкий звук вплыл в комнату. Было невозможно понять, откуда он доносится. Он то нарастал, то затихал, подобно пisku пикирующего комара.

Фальконбридж взглянул на жену. Между бровей у нее залегла едва заметная морщинка.

Мисс Дэнфорт же, со своей стороны, осталась невозмутимой. Она и виду не подала, что что-то услышала, — если не считать чуть более напрягшейся спины. Только глаза ее заблестели от любопытства. Возможно, она считала, что у мужчин его преклонных лет — герцогу только что исполнилось сорок — естественным образом возникают спазмы и судороги, и была готова проявлять сочувствие и терпимость.

— У вас такой красивый дом, — сказала она. — И такой огромный.

— Нам приятно, что вы так думаете, — тепло отозвалась Женестьева. — Мне очень нравилось тут расти. Фальконбридж не возражает против поиска еще одного дома поблизости, чтобы мы хотя бы часть года могли проводить с моей семьей. Но мне не терпится показать вам наши земли. Хотя уверена, что это покажется вам слишком скучным по сравнению с Америкой, мисс Дэнфорт.

Смех мисс Дэнфорт зазвенел колокольчиком.

— Осмелюсь заметить, там все не так волнующе, как можно подумать, но, безусловно, очень отличается от Англии. О, и я надеюсь, вы будете называть меня Тэнзи, как все мои друзья.

Женевьева с супругом помедлили. Американская непосредственность все-таки была слегка заметна в ее манерах, словно все это громадное пространство океана повлияло на нее — так человек разваливается в кресле, если рядом никого нет. Герцог чуть улыбнулся.

— Мы будем очень рады представить вас обществу, Тэнзи, — сказала наконец его жена. — Нью-Йорк, должно быть, очень возбуждающий город, но и мы умудряемся славно проводить время. Вы любите танцевать? Мы уже запланировали для вас много чудесных развлечений.

— О... ну, боюсь, я скорее из тех, кто подпирает стенку. Моя жизнь была довольно... — гостья кашлянула, прочищая горло, — ...понимаете, довольно скромной в последний год.

На этот раз ресницы вверх не взметнулись, наступила недолгая пауза. Потому что они понимали. Ее родители погибли в дорожной аварии чуть больше года назад, старшего брата убили еще раньше, во время войны 1812 года, и мисс Дэнфорт осталась в этом мире одна. Но, разумеется, имелся еще герцог, который теперь собирался выдать ее замуж за титул, достаточно впечатляющий, чтобы соответствовать ее состоянию, которое по условиям завещания она могла получить полностью только после замужества. По сути, ее будущее находилось в руках герцога.

Такова была последняя воля ее отца.

Кузен герцога сбежал из Суссекса в Америку, когда сидящей сейчас перед ним девушке было всего восемь лет. Фальконбридж всегда надеялся увидеться с ним снова, потому что братья были близки, а герцог мало с кем заводил по-настоящему близкие отношения.

— ...ээээээнфорт!..

Черт побери, опять этот звук! Такой жуткий, почти призрачный, у него даже волосы на затылке встали дыбом. Фальконбридж снова повернул голову, но при этом успел заметить широко распахнувшиеся глаза мисс Дэнфорт, ее чуть виноватый взгляд, метнувшийся к окну.

Он прищурился.

Ее губы не дрогнули. Руки по-прежнему аккуратно лежали на коленях. Она храбро встретила его взгляд.

— Может быть, овца свалилась в сточную канаву? — предположила Женевьева в наступившей тишине. — Бедняжка.

— ...ууу вас...

Теперь было отчетливо слышно, что это голос.

Мужской голос.

— Ммо... может быть, это ветер? — попыталась небрежно произнести мисс Дэнфорт, но у нее не очень получилось. Слово «ветер» она скорее пропищала, чем сказала.

А когда Фальконбридж резко встал, она подскочила.

— Я просто взгляну, хорошо? — Он в три шага пересек комнату, распахнул окно, и от резкого порыва ветра шторы высоко всколыхнулись.

Фальконбридж выглянул в окно. На зеленой траве, далеко внизу на коленях стоял мужчина, в страстной мольбе заломив руки и запрокинув голову. Из его разверстого рта неслись жуткие вопли.

— Мисс Дээээнфооооорт! Я люблюуууууууу вас! Пожалуйста, всего одно словечко, умоляяяяяяя! Не отвергайте меня!

Герцог некоторое время смотрел на эту душераздирающую сцену.

Затем очень, очень медленно повернулся и устоял на притихшую, широко распахнувшую глаза мисс Дэнфорт.

Он молчал так долго, что когда в безмолвном вопросе вскинул вверх брови, та подпрыгнула.

— Вам знаком этот голос, мисс Дэнфорт?

Она откашлялась.

— Ой... Боже. Кажется, это мистер Луччези. Он плыл пассажиром с нами на корабле, и боюсь, у него возникли... — ее лицо очаровательно покраснело. — ...нежные чувства, на которые, заверяю вас, я не отвечала, хотя мне с большим трудом удавалось оставаться вежливой и вести себя подобающим образом. Должно быть, он... должно быть, он каким-то образом последовал за мной прямо с корабля.

Вероятно, винить следовало ее свободные американские манеры. Хотя следует признать, Луччези все-таки не орал «Тэнзи!».

— ...пожаааалуйстаааа... — всплыла в окно безнадёжная мольба.

— Он итальянец, — добавила мисс Дэнфорт в последовавшей глубочайшей тишине.

— А, — сочувственно отозвалась Женевьева, будто это все объясняло.

Мисс Дэнфорт метнула в ее сторону благодарный взгляд.

— Такое случается, — заметила Женевьева. При этих словах брови ее мужа снова взлетели вверх. — Не со мной, разумеется, — поспешила добавить она. — Но моя сестра Оливия... Ну, вы же видели цветы. — Она махнула куда-то в сторону каминной полки. — Мужчины всегда падают к ее ногам. Вечно посылают ей цветы. Заключают конфузные пари о том, когда она выйдет замуж, в книге пари клуба «Уайтс» и...

Герцогиня осеклась, увидев на лице мужа явно скептическое выражение.

— Осторожнее, моя дорогая, — произнес он. — Это начинает походить на одобрение.

Она усмехнулась, он усмехнулся ей в ответ, и наступил кратчайший миг, когда показалось, что они одни во всем мире.

Но голос мисс Дэнфорт нарушил иллюзию:

— Мне ужасно стыдно, что доставляю вам столько неудобств, ведь вы были ко мне так добры и так хорошо меня приняли! — Мисс Дэнфорт ломала руки. — Я и подумать не могла... то есть я не могла предвидеть... преследовать меня до вашего дома! Я просто в ужасе, что...

Герцог вскинул руку.

— Вы хотите поговорить с мистером Луччези, мисс Дэнфорт?

Она так энергично замотала головой, что два белокурых локона зашлепали по ее щекам, как плетка-девятихвостка.

— Хотите, чтобы я поговорил с мистером Луччези?

— Нет! То есть я бы предпочла, чтобы вы этого не делали. То есть... ой, я просто хочу, чтобы он ушел. — Она снова опустила голову и больше ничего не сказала.

Вот тут Фальконбридж все-таки вздохнул. Мать Божья, да ведь это сущее дитя. Девушка представляет опасность для самой себя. Чем скорее он сможет передать ее с рук на руки подходящему мужу, тем лучше. Это, вероятно, будет достаточно просто, но пока придется следить, чтобы она не попала в беду. Впрочем, не так уж это и сложно. Умные мерзавцы боятся герцога Фальконбриджа, а от глупых он избавится с легкостью.

Однако один определенный мерзавец нуждается в особом, персональном предостережении.

Герцог повернулся к жене.

— Дорогая, — небрежно произнес он, — как ты думаешь, твой брат сейчас находится в Пеннироял-Грин?

Ей не потребовалось спрашивать, о ком идет речь.

Йен Эверси перекатился на бок и открыл один глаз. К счастью, он очнулся до того, как глубокий сон цепко вонзил в него свои когти, и это была одна из причин, по которой он проснулся в веселом настроении.

Как и всегда после пробуждения, он вытянул ноги и подвигал руками, радуясь, что все еще может дышать, все еще обладает всеми своими конечностями.

Он протяжно, с удовольствием выдохнул и открыл второй глаз.

В окне виднелась идеальная половина луны и несколько звезд. Близится ночь. Что означает — ему лучше поскорее уйти, иначе пострадает его нерушимый принцип — никогда не оставаться до утра.

Он потер ухо и пробормотал:

— Забавно.

— Что забавно, *mon cher*? — послышалось рядом сонное мурлыканье с французским акцентом. Это была вторая причина, почему Эверси проснулся в хорошем настроении.

— У меня ухо горячее.

Моник приподнялась на локте и посмотрела на него сквозь каскад блестящих каштановых волос. В таком положении ее большие, прекрасные груди сошлись вместе, напомнив ему, как восхитительно касаться их головой. Такие манящие и всего в каких-то нескольких дюймах от его лица.

— Как это считается, когда ухо горячее? Должно быть, кто-то о тебе говорит. — Она вытянула пальчик и провела им по уху Йена.

— Кто-то, — удовлетворенно пробормотал он, перекатился на Моник, обнял ее и продолжил любовный марафон, — обо мне всегда говорят.

Глава 2

Бедный Джанкарло.

Уже почти полночь, а Тэнзи все никак не может заснуть. Она отодвинула в сторону яркую цветочную композицию (казалось, что они расставлены повсюду в доме, надо полагать, благодаря Оливии Эверси), занявшую практически весь маленький столик у окна.

Тэнзи вышла на небольшой балкончик, в звездную суссекскую ночь и попыталась представить себе его, стоящего на коленях на зеленой лужайке. С высоты третьего этажа он, вероятно, казался не крупнее, чем небольшое белое пятно. Мать Божья, какой ужасный миг — сидеть там смиренно и с идиотской улыбкой смотреть на герцога и герцогиню, пока в голове крутится одно и то же — «черт возьми, черт возьми, черт возьми». Ей даже в голову не приходило, что он может последовать за ней от пристани, уж не говоря о том, чтобы появиться под окнами особняка герцога Фальконбриджа и начать орать всякое вроде «не отвергай»! Где он только этому научился? На корабле главное, что ее в нем привлекало, помимо сияющих карих глаз, было его сладкозвучное итальянское бормотание (он даже не подозревал, что она почти все понимает), перемежающееся очаровательно ломаным английским. Должно быть, он читал английских поэтов или еще какую-нибудь чепуху, когда не ухаживал за ней. Тэнзи не понимала, как чтение стихов может привести к чему-нибудь стоящему. Герцог Фальконбридж всего лишь бровью повел, и — пуф! — Джанкарло тотчас

же испарился. А ее заверили, что она может больше из-за него не беспокоиться, да еще опекуны (главным образом герцогиня) тут же заговорили о других вещах и других людях, целой куче людей, всех членах семьи, так тепло, и ей не пришлось больше отвечать на вопросы об ее отношениях с мистером Луччези. Потому что герцог явно не сомневался, что положил им конец.

Ничтожная пылинка. Вот что Джанкарло для таких, как Фальконбридж.

Герцог. Тэнзи подозревала, что он одним движением брови добивается большего, чем большинство людей годами упорного труда. Конечно, он вежлив, несомненно, приветлив, но немного... несгибаем. Невосприимчив ко всем ее попыткам его очаровать. После разговора с опекуном она почувствовала себя измотанной, словно целый час безуспешно пыталась вскарабкаться на скользкую отвесную стену. Наверное, впредь лучше всего просто кивать и со всем соглашаться. Отец знал, что делал, когда поручил устройство ее судьбы герцогу Фальконбриджу.

Тэнзи предположила, что его, должно быть, считают привлекательным, но ему же по меньшей мере сорок! Просто поразительно, учитывая, что жена у него такая хорошенькая и едва ли старше Тэнзи — а Тэнзи сейчас двадцать.

Она вспомнила взгляд, которым обменялись супруги.

Это напомнило ей о взглядах, какими обменивались родители. Они всегда казались ей дверью, распахнутой в мир, куда ее никогда не пригласят.

Мисс Дэнфорт очень любила своих родителей, и те любили ее, но при этом Тэнзи точно знала свое место в их сердцах.

Вероятно, герцог и ее считает ничтожной пылинкой. Временной проблемой, которую следует перепо-

ручить другому мужчине, и тогда она станет его проблемой. Своего рода эстафетной палочкой в вечной брачной гонке.

Так тому и быть. Она обхватила себя руками и слегка вздрогнула от предвкушения. Она хочет выйти замуж. Подумать только, что скажут ее прежние нью-йоркские друзья, когда она станет герцогиней такой-то или графиней сякой-то. А если кто-то и может подыскать ей в мужья герцога, то уж наверное другой герцог.

Скорее всего, Джанкарло она больше никогда не увидит.

Тэнзи ощутила легкий укол сожаления. Она и не предполагала, что все закончится вот так... Началось все со взглядов — мимолетных и задерживающихся, тайных и откровенных, брошенных и пойманных. А затем, в порядке эксперимента, она поскользнулась на палубе, дождавшись, когда он будет проходить мимо; его ладонь крепко легла на ее руку, он помог ей устоять на ногах, а когда Тэнзи начала сбивчиво благодарить, придвинувшись к нему чуть ближе, чем принято, его зрачки расширились.

За этим последовало приглашение прогуляться по палубе.

Она достаточно знала итальянский, чтобы понять — Джанкарло говорил вещи, какие ни один джентльмен порядочной леди не скажет, — дерзкие, волнующие, зачастую загадочные. Ему хочется ее поцеловать. Ее губки похожи на спелые сливы. Ее губки как розы. Ее попа похожа на персик. Ее кожа как лилия. Все виды флоры и фауны были упомянуты в его комплиментах. Он хотел бы проделывать с ней и другие вещи, помимо поцелуев. Тэнзи не знала итальянского сленга — такая жалость, ведь она подозревала, что получила бы от него богатую информацию.

Она даже подумывала позволить ему проделать с ней парочку тех вещей, каких он якобы хотел. И с каждым новым днем на корабле губы нанятой для нее компаньонки миссис Горхэм становились все тоньше, тоньше и тоньше, а предостережения, что она бормотала себе под нос, все мрачнее и мрачнее. Но Тэнзи уже не могла остановиться. Она была виртуозом флирта, которому слишком долго не давали совершенствовать свое искусство, и в конце концов события стали развиваться очень стремительно.

Вероятно, ей повезло, что корабль наконец прибыл на место.

Тэнзи потянулась на маленьком балконе и всмотрелась в английское небо, но не нашла того созвездия, которое хотела увидеть. И хотя понимала, что это нелепо, почему-то именно этот пустяк заставил ее снова почувствовать себя обделенной, словно она бесцельно неслась в небесах, как пух одуванчика, как пылинка, обреченная никогда не достичь земли.

Где-то там, во тьме Суссекса, находился дом, который она знала и неистово любила прежде, в раннем детстве. Лилимонт. Проданный, когда отец увез семью в Америку. Интересно, кто владеет им сейчас. Дом в Нью-Йорке теперь тоже продан, как того требовало завещание отца, и хотя она по нему скучала, каким-то странным образом испытывала и облегчение. После смерти родителей все, бывшее когда-то знакомым и любимым — начиная с мебели и заканчивая цветами в саду, стало казаться чужим, даже слегка зловещим, как реквизит в покинутом людьми театре.

Ей нужен собственный дом. Но она не обретет его — настоящий дом — до тех пор, пока не выйдет замуж.

Теперь тишина казалась всеобъемлющей и напряженной, как после выстрела, а тьма вокруг не была